

# О пространстве и времени

Л. Матюшкин

13 августа 2015 г.

# Оглавление

<b>I</b>	<b>О пространстве</b>	<b>5</b>
	Вечером . . . . .	6
	«Я на елке в Иркутске круглым камнем блещу...» . . . . .	7
	У сестры . . . . .	8
	«Мир крошится — теперь кругом пески» . . . . .	9
	«Я выехал. Долго ехал...» . . . . .	10
	«Муравейник, строящиеся дома...» . . . . .	11
	В прохладной тени острова . . . . .	12
	«Береговая линия отталкивается от океана...» . . . . .	13
	«Знал одного человека, а он — другого...» . . . . .	14
	Макушкой . . . . .	15
	«Того и гляди, проломится скатерть...» . . . . .	16
	«Я через голову рубашку надеваю...» . . . . .	17
	«В пращу простыни завернутый...» . . . . .	18
	Телескоп . . . . .	19
	«Переехал из одной страны в другую...» . . . . .	20
	Звездный сор . . . . .	21
	Ножи . . . . .	22
	«Со скрипом поворачивается штурвал-звезда...» . . . . .	23
	«Лес переплыл море...» . . . . .	24
	«Дышу сквозь одеяло торфа...» . . . . .	25
	Яблоко . . . . .	26
	Попугай . . . . .	27
	Ответ на письмо второклассника . . . . .	28
	Зеленка . . . . .	29
	«Месяцы вверяя косточкам пальцев...» . . . . .	30
	«Пижама в серую полоску...» . . . . .	31
	«Смотрю на море со шкафа...» . . . . .	32
	О Китай-городе . . . . .	33
	Туман . . . . .	35

<b>II</b>	<b>О времени</b>	<b>36</b>
	«Когда звучит протяжная труба...»	37
	«Мне нравится, что вечер и зима...»	38
	Ритм	39
	«Падаем штопором...»	40
	«Дети, вернувшись из школы...»	41
	«Посмотрел на салют...»	42
	«Мертвое стенографирует о себе...»	43
	О длительностях целых нот	44
	«С доски памятной стерлось...»	45
	Женщина в море	46
	Рубка	47
	Патефон	48
	«Невидимые мной стали невидимыми...»	49
	О памяти	50
	Вымпел	51
	«Будто брелок или часы уронил в море...»	52
	Сон за столом	53
	Происшествие	54
	У нас умер щенок	55
	Водоросли	56
	«... человек выкипел, будто чайник...»	57
	Невидимые	58
	Правила хорошего тона	59
	Фиолетовое	60
	«Лунное око в окно ловил...»	61
	«Уши вспыхивают от больших слов...»	62
	Прости нам	63
	О соли	64
	«Трое общих друзей...»	65
	Одна пожилая женщина о своем дорогом щенке	66
	«Обезьяна показывает волшебный фонарь...»	67
	«Через сосуды-трубочки иллюминация сердца...»	68
<b>III</b>	<b>О пространстве и времени</b>	<b>69</b>
	Слез с	70
	Аммониты	71
	Об отважном ученом	72
	Кисти	73
	Водефис	74

О том как собаки чихают . . . . .	75
«За окном океан шумит...» . . . . .	76
«...и гул земли сменяется на вой ...» . . . . .	77
«День бахчевой...» . . . . .	78
«Друза кристаллов кварца...» . . . . .	79
Размышления у ларечка «Любимые лакомства» . . . . .	80
Капитану корабля . . . . .	81
О сбежавшем солдате . . . . .	82
На просьбу продавщице . . . . .	83
«Просыпаясь, оглядываясь, недоумевая...» . . . . .	84
Твен . . . . .	85
«Река перевернулась в гробу ...» . . . . .	86
Петербург . . . . .	87
«Мне нравится, как облако молчит...» . . . . .	88
Челнок . . . . .	89
«Симпатичным ключом скрипичным...» . . . . .	90
В эмиграции . . . . .	91
Должник . . . . .	92
«Тридцать первое, август, среда...» . . . . .	93
Попутчики . . . . .	94
Человек . . . . .	95
«Я в метро собака с отрезанной головой...» . . . . .	96
Млекопитающее . . . . .	97
«Если что-то случается...» . . . . .	98
«Семь рублей за счетчиком возьми...» . . . . .	99
Укус . . . . .	100
«Вынесенному на берег рекой...» . . . . .	101
Рейки . . . . .	102
«Я человека за лоб держал...» . . . . .	103
«Когда месяц заканчивается, доходит до горла...» . . . . .	104

*Посвящаю бабушке, сестре и собакам*

Часть I

О пространстве

## Вечером

Я лежал на спине на кровати  
и хватал струнный ус, словно *ус* бабочки,  
и сам был странный на вкус, головой в наволочке,  
звук отлипающей от живота деки  
принимая за шум моря.

\* \* \*

— Я на елке в Иркутске круглым камнем блещу, угадай мой цвет. —  
Синий? — Нет. — Пурпур? — Нет. — Ну а что же? — Ищу.



## У сестры

На этой станции только кладбище,  
и от этого будто странно, что кто-то садится.

А еще...

птица.

На могиле сестры много воды,  
так много, что не посадишь цветов,  
на соседней — новому мальчику горка песка.

Сколько, дым,  
звучание голосов,  
поезда, въезжающие вглубь виска.

\* \* \*

Мир крошится —  
теперь кругом пески,  
в пустыне пляжа шепот океана  
я слушаю, и морщатся виски.

Отняв от ряби губ  
излом стакана,

я вспоминаю темноту экрана,  
когда еще ничто не началось:

пьет воду долго лось,  
алеет рана,

темнеет солнце сквозь  
разлив тумана,

и мама  
говорит ребенку «Брось».

\* \* \*

Я выехал.

Долго ехал.

Часто оборачивался.

Где я теперь?

\* \* \*

Муравейник,  
строящиеся дома,  
колючая проволока. . .

Кинув где-нибудь велик,  
лежа, с холма  
рассматривать облако.

## **В прохладной тени острова**

Примыкающий будний день:  
идти по мосту  
на какой-нибудь остров.

Лечь в его тень,  
слушать звезды  
или их *немоту*,

на камне реки дичая,  
миру обозначая  
свою мечту.

\* \* \*

Береговая линия отталкивается от океана,  
словно рваная рана плавает поверх кожи,  
будто добрый прохожий  
упал с дивана,

завидев на парапете  
плачущего ребенка,

плачущего столь громко,  
что на всем белом свете  
задрожали бокалы в сервантах,

а труп пенсионера  
на другой стороне голубого шара  
наконец отвлекся от телевизора

и, впервые тишину нарушая,  
стал подвывать  
и повизгивать.

\* \* \*

Знал одного человека, а он — другого,  
больше в мире не было  
никого.

## Макушкой

Море покачивается макушкой, лишь волосами,  
а все огромное тело, подмятое под себя,  
лежит под ним, словно плоские камни,  
острые горы любя,

и до свидания,  
до свида — ни — я.



\* \* \*

Того и гляди, проломится скатерть,  
расстеленная поверх дыр,  
обвитая вокруг раны,

словно полуостров Таймыр  
превращается в паперть  
Ледовитого океана,

как только на нем  
оказываются путешественники.

\* \* \*

Я через голову рубашку надеваю,  
и через голову ботинки обуваю,  
и через голову в трамвай к тебе сажусь,

но я держусь, но я еще держусь.

В собаке медленной, натопленной, бездушной,  
коленом круглым выходящей в поворот  
я волочусь.

\* \* \*

В пращу простыни завернутый,  
отправляешься в звезд  
крепостное барство.

Вся твоя паства  
это узники маленькой комнаты,  
выслушивающие серьги берез.

## Телескоп

Источником морских преград, осмелюсь доложить, стали лошади, рассматриваемые Вашим Высочеством в телескоп. Они, ударяясь о глазное дно, о, так сказать, его площади, образовали воздушный столб, воспрепятствовавший общему движению корабля, которое, как видите, уменьшилось до нуля, и понизило его общие мощности. Движением *лево руля*, как Вы понимаете, мы спасаем себя от такой оплошности и отправляемся в настоящее океанское плавание. . .

\* \* \*

Переехал из одной страны в *другую*,  
и теперь ворочается на полу.

## **Звездный сор**

Солнечное колесо,  
из кулака — облака,  
вспыхивает звездный сор.

Мокро клюет, лакал,  
глаз голубую дрожь  
плакал,

плакат,  
вал.

## Ножи

Это сердце отправляется в недолгое плавание  
на самолете в холодном ящике  
к человеку чужому,

но затеряется в черной воздушной гавани,  
а не в этом мальчике.

Ты всегда дома  
в постели  
в ухо дышишь,  
спрашиваешь «как мне жить».

В верхних комнатах,  
слышу,  
халат в сонном теле  
точит ножи.

\* \* \*

Со скрипом поворачивается штурвал-звезда,  
и небесный купол крутится-вертится,  
мне обещали — там, где встретятся зда-  
ния — будут расти города,  
и мне верится.



\* \* \*

Лес переплыл море  
и оглядывается  
птичьим глазом:

узким лазом  
в чужое горе.

\* \* \*

Дышу сквозь одеяло торфа, через салфетку перил.  
На куске торта —  
Акрил.

## Яблоко

«Эта музыка выдувается из железного сердца», —  
замечает она. На столе ржавое яблоко,  
на дне тарелки горошины черного перца.

## Попугай

Вместимость лифта не превышает восьмерых ч.:  
восьмерых человек, часов или просто — «буков»...

Попугай на плече

стал источником слухов.

### Ответ на письмо второклассника

Как радостно —  
и письмо от души,  
и такой крупный почерк!

На твоих «О»  
я доехал бы  
до ЦПКиО.

Поэтому напиши,  
пожалуйста,  
еще несколько строчек.

## Зеленка

Сердце зеленкой вымазал, а все равно кровоточит. И ходишь сутулый на улицу и в буфет, спрашиваешь у него, что же оно хочет. А оно в ответ:

«Ничего не хочу, милый,  
ничего не нужно, родной мой,  
нет».

\* \* \*

Месяцы вверяя косточкам пальцев,  
дни отсчитывая позвонками,  
через камень, бумагу, ножницы, —  
внутрь здания.

\* \* \*

Пижама в серую полоску,  
круги деревьев на земле,

и воздух  
ме-едленный.



\* \* \*

Смотрю на море со шкафа.  
Наклонив голову,  
пристань увидел с полочки для белья.

Пристальный, одетый с иголочки,  
где был я, когда ко мне все привыкли,  
когда стал я реликвией?  
Вроде подреберного копья,

вроде сказочного апельсина,  
закатившегося в хвойный лес.  
С платяного шкафа я слез  
поздно, нагой и бессильный,

и, вытряхнув все из него,  
уснул в куче трепья.

На груди своей из всего  
воздуха чувствовал только вес  
тонущего корабля.

## О Китай-городе

1.

Варв́арка-ва́рварка  
скажи, куда идти?

В Ивановский ли Малый переулок  
(а есть *Большой?*),  
где спал я, дом найти?

Люблю места такие для прогулок,  
где нет людей. Лишь по пути шальной  
встречается какой-то *недоумок*,  
и спрашивает что-то, и мычит,  
а получив ответ,  
идет угрюмый  
в другую сторону —  
его сомнение мчит,

и скачет вороном по темным куполам —

любой ответ озвученный  
теперь

противен истине.

Измучен  
мыслями.

Откроет ветер дверь,

напополам  
разрежет  
воздух  
улиц,

и хлынет зверь,

пока мы не обулись, —

семь раз примерили,  
один раз улыбнулись,  
второй — не верь.

2.

Летаев мне сказал, есть Вешняки.

Что это место между двух обочин,  
в ответ подумал. Думал через «и» —  
что Вишняки, да то неважно, впрочем,  
вишневый или вешний,  
что к чему,

обочина важнее, чем дорога,  
песочная двурога корова  
лежит, как прежде,  
посреди стиха.

Нужна подмога:  
три-четыре «ха»  
и восемь «му».

3.

Китайгородский день:

хрустящим яблоком  
спокойная прогулка,

мне переулка  
благодатна тень:

густых деревьев  
темная шкатулка,

пустых посольств  
немая караулка,

я — тетерев,  
смотрящий сквозь ячмень.

## Туман

Сегодня такой туман —  
я потерял свой дом,  
за ключами полез в карман,  
и — пропал целиком.

# Часть II

## О времени

\* \* \*

Когда звучит протяжная труба  
в просторном коридоре перехода,  
мне холодно,  
и хочется туда,

где с парохода  
сыплется крупа  
на гладь пруда,  
расстеленную водно,

где рыба-кит  
читает алфавит,  
а мы лежим  
на дне

единородно,

жуем крупу  
и слушаем кита.

\* \* \*

Мне нравится, что вечер и зима, что облако и неподвижный мальчик.  
Что дальше? Выйдешь из ума, и вновь войдешь...  
в какой-нибудь подвальчик.

## **Ритм**

И так далее, и так далее, наливает и говорит, поезд едет, огонь горит,  
*и так далее, и так далее.*



\* \* \*

Падаем штопором.  
Шепотом: «что потом,  
что потом, что потом,  
что потом. . . »

\* \* \*

Дети, вернувшись из школы,  
не находят своих родителей,  
взрослые — своего прошлого,  
официант — посетителей,

учитель словесности —  
правила языка.

\* \* \*

Посмотрел на салют,  
уехал обратно в Крым.

В поезде песни поют.

Дым.

\* \* \*

Мертвое стенографирует о себе  
человеку на дне колодца,  
раз в день показывая солнце,  
два раза — тень.

## О длительностях целых нот

Чайник кипел–кипел,  
Словно всю ночь нам пел,  
Нотою не меняясь,

Сам о себе крича.  
Выкипев — замолчал,  
Будто бы извиняясь.

Так я вжимал звонок,  
Чтобы узнать кто умер,  
Но мой тревожный зуммер  
Не разбудил никого.

\* \* \*

С доски памятной стерлось — кому она, для чего.

Так одиночества комнаты разделяет стена тоски:

одиночество бытия
-------------------

*тоска памяти*

одиночество небытия
---------------------

### **Женщина в море**

Мужчине вторя,  
ждет, чтоб он ласкал,  
глухая женщина.

Пучине моря  
помнится скала,  
сухая трещина.

## Рубка

Будь результат плохой,  
мы не поднимем трубку,  
не постучимся в рубку,  
не объясним пробой,

мы побежим куда-то,  
мы убежим куда-то,  
воздух или страдание  
вспарывая головой.

Так ходовая рубка,  
так золотая шлюпка  
долго стучаться будут  
о ледяной прибой.



## Патефон

Эта фотография сохранила звон колокола,  
шелест крон,  
шаги около,  
ветра шум.

Дерево постучалось в окно,  
попросилось на ум,  
но там уже тесно.

Свежий конверт простыни  
на веревке бьется.

Эта песня легко поется,  
эта песня давно известна.

\* \* \*

Ненавидимые мной стали невидимыми  
и огородили меня от бед и несчастий,  
став моими защитниками.

И враги мои стали моими сыновьями,  
а нелюбимые — братьями.

Жизнь моя кончилась в муках совести,  
что я столькое изменил,  
не сохранив ничего взамен.

## **О памяти**

Люди заслоняют памятники на снимках,  
становятся на их фоне,  
пластинку  
на патефоне

слушают,  
и ничего не слышат.

## **Вымпел**

Вымпел —  
узкий длинный флаг,  
раздвоенный на конце.

Все вино из синяка на лице  
выпил.

\* \* \*

Будто брелок или часы уронил в море,  
И теперь всю жизнь носишь его на руке.  
Стрелками рек вечер лицо зашторив. . .

### **Сон за столом**

Желтые цифры в уголках сонных губ,  
ненецкая нефть из оленьего глаза.  
Медленно, густо упала на круп  
ваза.

## Происшествие

Это происшествие  
скалывает рот с лица.

Следствие рассказывает,  
что уже двадца-  
того,  
двадцать-первого. . .

что уже не стало отца.

### **У нас умер щенок**

Со свечей стоя в толпе метро,  
долго-долго ехать на другой край города,  
туда, где у собаки брюхо распорото,  
зашивать в живое нутро

маленького мертвого волка.



## Водоросли

«Вместо усов выросли водоросли.  
Вот тебе наказание часто бриться».

А лица  
вроде бы взрослые.

Я обратился в милицию:

«Фотографируют друг друга на пленку,  
и живут потом вечно,  
невидимые облакам».

\* \* \*

... человек выкипел, будто чайник,  
не доел сахарные трубочки парашотов. . .

я пробрался в его каюту  
и узнал *тайну*.

## Невидимые

Мы невидимые, мы немые,  
пока не совершим что-то большое,  
когда закрывающий шторы  
потомок  
в глубине времени

на происходящее  
в темном саду его предков  
бросает последний взгляд.

Пока длинное предложение  
составит нескромный ряд,  
уже приезжает скорая.

## **Правила хорошего тона**

«Когда-нибудь»  
(никогда).

Подождать  
и кивнуть.

## **Фиолетовое**

— Поводы-повыдыри, обидься на меня, деточка,  
и на коже моей гори  
сеточкой,  
йодной сеточкой.

— Подари  
мне ивовую веточку  
и глупостей  
не говори.

\* \* \*

Лунное око в окно ловил,  
то левый, то правый закрыв глаза.

Раки на зиму врылись в ил,  
в легких морозные иглы. За

стеной стена,  
и одна другой говорит:  
«встретимся на углу»,  
«мы не встретимся», —  
другой отвечает одна,  
«развился радикулит,  
не дойти никак, даже боком,  
прости, моя в том вина. . . »

И они болтают друг с дружкой,  
в то время как

в обнимку с маленьким богом  
и маковой сушкой  
в темном и вязком иле  
спит рак.

\* \* \*

Уши вспыхивают от больших слов,  
веточки загораются от излома,  
дети выбегают из дома  
от огня *языков*.

## **Прости нам**

— Прости им,  
ибо не ведают,  
что творят, —

пустым  
городом следуя,  
ангелы говорят.



## **О соли**

Безмысленный человек  
выпросит соседову соль.

Тот из под век  
слезами боль свою выдавит  
на большую сухую ладонь.

Все детство я думал  
о пресности рек  
и солености океана.

Под клубами густого дыма  
кожу слизывает огонь.

\* \* \*

Трое общих друзей,  
из которых один — мертвый.  
Никогда не меняется, твердый,  
как надгробие или музей.

Возникает теперь  
четвертый.

### Одна пожилая женщина о своем дорогом щенке

[Вот он,] живой,  
настоящий,  
не боящийся  
никого,

сердце щемящий,  
светящийся,  
мой дорогой  
щенок,

хвостик его  
виляющий,  
лижущий  
язычок, —

все, что оставил  
мамочке  
спившийся  
дурачок.

\* \* \*

Обезьяна показывает волшебный фонарь:

Дерево превратилось в словарь.

Еще одно

Дерево превратилось в словарь.

Третье — стало каретой.

На десерт — собака приносит палку.

\* \* \*

Через сосуды-трубочки иллюминация сердца —  
черная комната окрашивается желто-голубыми лучами,  
на зов через приоткрытую сахарно-зеленую дверцу  
входят небесные жители с золотыми мечами,  
погреться,

за день  
устали сражаться  
с человеческим злом.

От усталости на пол упав, по-рыбьи  
двигают широко-широко неземными губами,  
будто на дыбе ртом  
теряя воздуха камень,

ложатся у батареи  
и под столом.

## Часть III

### О пространстве и времени

## Слез с

Мама пришла, и помогла ему выбраться из болота,  
автобус целый день возит мертвого пассажира,  
мы едем куда-то, господи, подскажи нам,  
когда будем близ поворота, —

я использовал все свои карточки и проездные,  
и теперь хочу новые.

## **Аммониты**

На доске в слове *вязь*  
переговариваются аммониты,  
и в янтарном ожерелье учительницы  
черный жук.

Я застаю себя в отличном расположении духа.



## Об отважном ученом

В то время,  
когда лучшим способом *его* измерения  
были биения  
сердца,

время каждого  
зависело от него самого.

Какая должна быть отважность,  
чтобы поверить,  
что

и пространство  
вертится?

## **Кисти**

Кто-нибудь трубку поднимет  
из этих чудищ,  
похожих на саблезубую железу:

«Я оловянные кисти, *Имя*, тебе везу,  
сизжу, о тебе скучая».  
«Приезжай скорее, так рад».

Гоша сделал фотоаппарат  
из деревянной коробочки чая.

## Водефис

Кости, череп от скуки нарисовал на визитке,  
и долго бессмысленно ждал хозяина-гостя,  
промокающего без зонта, до нитки,  
в зеленых водорослях.

## О том как собаки чихают

На песью морду  
во время чихания  
льется аккордом  
молчание —

подслушай  
и повтори.

Послушный  
внутри  
и на весь мир  
отчаянный.

\* \* \*

За окном океан шумит,  
звезды с волны швыряя,  
легких пузырь распирая.

Сердце мое щемит,

ночи пустырь примеряя  
на повседневный быт:  
в землю осколок врыт,  
провода сырая —

колючая, словно стыд.

И на пороге рая,  
в ноги с колен ныряя,  
*молит* за все простить.

\* \* \*

1.

... и гул земли сменяется на вой.

2.

Глаза откроешь — брезгуешь собой,

из бахромы льняной  
сплетая узелок,  
разглядываешь белый потолок,

разрывы облака над серою Невой,  
потом переползаешь на цветок  
и на горшок, на воздух земляной...

Сосредоточишься на пятнах на стекле —  
услышишь всплеск  
и стук ведра, и шелест

намокшей тряпки о шершавый пол —  
с тебя как сняли, и теперь ты гол,  
идешь через медовой вереск,

оберточной бумагой темный стол  
пишит от ветра, и куда-то делись  
стихи и письма, что я клал на стул

и ждал ответа.

3.

... так вой земли сменяется на гул.

\* \* \*

День бахчевой:  
как в тыковке живем:  
на бечеве сушенная одежда,  
под бечевой — арбузный водоем. . .

Бывало прежде,  
что домой придем,  
и сядем слушать за голодный стол  
что накричат сегодня нам армянки  
на скатерть-самобранку  
через пол.

Через окно смотрели на простор  
пустынной улицы,  
на реденьких прохожих,  
на бедненький меж ними разговор —

ссутулиться спешащих в коридор,  
и слить в отхожем  
месте кипяток,  
не сняв пальто,  
и не разувши обувь  
в темнеющей прихожей  
в форме гроба.

Календаря срывая лепесток,  
мы говорили: «Этот день был прежде»,  
читая между строк:  
*«Камо грядеши?»*

\* \* \*

Друза кристаллов кварца  
— грудa текущих жил.

Где бы я ни служил —  
все время что-нибудь бряцал

на гитарке,  
на пианино.



### Размышления у ларечка «Любимые лакомства»

Пышная женщина, склонясь над орехом как белка,  
отдает его неохотно, будто с обидой  
на какую-то пакость,

словно мы совершаем сделку,  
ей невыгодную —

что-то нужно ей, кроме денег:

сквозь баррикаду лакомств  
выплыть в морскую пену.

**Капитану корабля в трудный момент, не связанный с кораблем**

Одни бесконечности больше других,  
и от того — неуютнее.

Одни вечности — вечнее,  
другие — сиюминутнее.

В каютной библиотечке  
найди этот млечный стих.

### О сбежавшем солдате

Лежал–лежал,  
да слежался сахар,  
как кусок земли,  
что лежит не вспахан.

Я бежал вдали,  
начищая бляху,  
вместе с ружьем.

Командир смотрел,  
да вослед мне «ахал».

Я упал лицом.

На просьбу продавщице не давать целофановый пакет,  
потому как мороженое съем сейчас же

«Я не могу иначе», —  
ответила она,  
дала мне рубль сдачи,

и встала у окна,  
смеясь тихонечко.

Бусина разговора оконченного  
долго во мне сверкала.

\* \* \*

Просыпаясь, оглядываясь, недоумевая,  
открывая книжицу, всматриваясь в желтый снимок,  
пугаясь, дрожа, быстро лицо умывая,  
брея скользкий обмылок,

ощущая себя.

## **Твен**

Река с шепелявым именем Миссисипи (удивительно, что в этом мире что-нибудь так называется) скована грубым льдом. И пока вы спите, мы катаемся на коньках, под огнем, в огоньках, по самую середину.

Сегодня она вскрывается. С льдины на льдину пробираемся второпях обратно до берега...

\* \* \*

Река перевернулась в гробу  
ею несомом,

рот намочил губу  
мелью и сором,

лодка глотнула песка,  
и захлебнулась.

## Петербург

Лед ломовой,  
лед пунцовый.

И на грязной тряпочке  
свежий сахар.

Постучав головой  
леденцовой. . .



\* \* \*

Мне нравится, как облако молчит,  
молчит, плывет себе, красивая собачка,  
плывет, одна с другою говорит,  
но здесь не слышно. Вот так передача —  
не слышно облака, отключен микрофон.

## Челнок

Поэт — шелкопряд, и прозаик — ткач,  
Читатель — швея, взгляд — иголка.  
Пустые пространства сшивая вскачь,  
Мы сами не знаем толком,

Куда мы бежим и куда придем,  
Где ляжем на белом поле.  
И будем ли снова с тобой вдвоем  
Или нас будет двое

В отдельности.

\* \* \*

Симпатичным  
ключом скрипичным  
открыл окно.

Музыка полилась  
далеко-далеко.

## **В эмиграции**

Пирамиды Америки,  
меняльные лавки,  
в этой давке  
прибило к берегу  
много песка.

Кажется ему,  
смерть близка,  
ведь и чужи мы.

Кем-то разбуженный,  
вскакивал,  
подбирая жемчужины,  
рассыпавшиеся из виска.

## Должник

Я приснился вещам и людям,  
а, значит, заимодавцам.  
Рассерженные, плеваться  
и бить тарелки и блюда

стали уже во сне.  
Оттого, что я только приснился,  
что я ровный житель Вселенной,  
то есть очень ровно обрился

и лежу теперь на спине.

\* \* \*

Тридцать первое, август, среда.  
Дождь прошел, но мне кажется темной  
И глухой нищета этих комнат,  
Здесь как будто случилась беда.

Я собаку обнял по привычке,  
Но забыл ее глупую кличку,  
Отпустил, и из липовой спички  
Синий газ над плитой разжигал.

И стоял или что-нибудь ждал,  
И садился в широкое кресло  
И широкую книгу листал,  
Но не мог ощутить ее веса

И поэтому снова вставал,  
По скрипучему дереву плавал,  
Как матрос, дикой песней забавил  
Закипающий чайник, снимал,

И стакан кипятку на стол ставил,  
И на темя себе выливал.

## Попутчики

Нам попались в попутчики  
носители языка,  
вернее — носильщики,  
еще точнее сказать — грузчики:

на скелетах кожаная листва,  
сочные жилы, мышцы,  
спелая голова —

те же  
мученики,

толкают поезд,  
и вот он движется.

Реже,  
но слышатся  
с разных мест  
диговинные слова.

Мама закрывает уши,  
носа пазухи и глаза,  
но я, непослушный,  
воздухом осязал,

кожею воровал  
что мне хотят сказать

рваные рукава.

## Человек

Мы ведь человека знаем потому только, что он спотыкается, что идет он, отталкиваясь от земли, потому только, что оставляет следы, что маленький вдалеке и очень большой вблизи, даже не умещается в голове, и сколько-нибудь людей унести можно только, когда они уменьшаются, только сказав подальше им отойти, тогда поместятся они в объектив или в книжечку, историческое ассорти, список имен и фамилий.

Милый, чудный, родной, ты же знаешь все, расскажи.



\* \* \*

Я в метро собака с отрезанной головой,  
лежащая, спящая, думающая посередине вагона,  
слушающая перестук, мерный подземный бой,  
очень надеющаяся, что до конца перегона,  
до остановки, платформы отрастет у нее новая голова,  
голова красивая, умная, может быть, даже детская,  
произносящая вместо лая еще не ворованные,  
еще большие слова, заглушающие лошадиное  
«Пионерская».

Я в метро собака с отрезанной головой,  
дыхание задерживаю, и держу его до конечной,  
до бесконечной станции, в небе млечной  
расплескавшейся тропкой, сквозь голубой  
дозаветный свет на себя смотрю,  
лежащую на полу полосой шерстяной  
поперечной и что-то тебе пою,  
мой любимый, хороший, вечный,  
и послушный, и гордый от знания  
каждой буковки людского закона,  
но теперь, так приходится,  
отталкивающий ногой

собаку с откушенной мордой,  
чтобы выбраться к выходу из вагона.

## Млекопитающее

Млекопитающее планирует день свой:

— Утро я начну с орехового пирога,  
обложенного листом подорожника,—  
Млекопитающее покачивает головой,  
вместе с головою покачиваются рога, —

У меня ведь нет ни орешинки, ни листка,  
ни муки, ни дрожжей, ни козьего молока,  
ничего у меня нет пирогу моему подобающего,  
бедное, бедное я млекопитающее,  
неужели и этого вы не понимаете,  
жалобную Красную Книгу скорее же дайте мне,  
я впишу себя там, исчезающего зверька.

И ждет пока принесут, и где-нибудь ходит около,  
и плачет в тряпочку маленькую, словно облако,  
но когда же книгу ему наконец приносят,  
из-за копыт страницы за него попереворачивать просит,  
и смотрит на быт, на птиц, на жуков, на собаку Бонечку,  
и улыбается тем и тем, и понимает, что ведь совсем  
оно нисколько не одинокое.

\* \* \*

Если что-то случается,  
это еще не значит, что оно происходит:

так числитель просачивается  
под черту дроби  
к знаменателю, где его возводит  
в какую-то степень, и — мальчик —  
грудной, толстолобый,  
в тебя возвращается,  
через степи злобы за пальчик,  
за руку, тебя из тебя выводит,  
а выведя, сам заканчивается.

\* \* \*

Семь рублей за счетчиком возьми.  
Приходи в «коробку» до восьми. . .

## Уксус

Рыба такая бледная,  
кто-то уксус разлил в океане,  
и она монетами медными  
платит дань

за чье-то коварство,  
того, кто морское царство  
в коммунальной построил ванне.

\* \* \*

Вынесенному на берег рекой  
медведи лицо выели,

вы ли  
меня спрашивали,  
кто я такой?

## Рейки

Кредит доверия  
восполняется от батарейки,  
осложнение словесных родов  
просит кесарева «пока».

К голове прибитые рейки  
ослабляют движение,  
исцарапывая бока  
проплывающих пароходов.

\* \* \*

Я человека за лоб держал,  
я человека за горб держал,  
черную землю во рту жевал,  
сам с ним лежал  
и плакался,  
словно на кол сел, все  
внутри разорвал,  
горевал в себе.

Горячие веки ему  
прикрывал холодными листьями,  
мы из тьмы,  
через реки  
мыслями  
переплыли  
и гроб,  
и сугробы  
безбрежные  
кораблями снежными  
до Стамбула  
выплыли-выпили.

Я человека за горб  
и за лоб держал,  
я его целовал  
я мучился,  
вены, горло, волосы  
вздуло мне,  
что получится  
из всего этого.



\* \* \*

Когда месяц заканчивается, доходит до горла,  
до какой-то отметки, до чего-то жестокого,  
пытаясь предмет поднять с пола,  
трогаешь только *около*,

или вовсе упираешься кулаком,  
упираешься дураком  
в под землю гудящий колокол.